

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФЫ В КУЛЬТУРЕ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПРИМЕРЫ)

А.В. Шестопал

Аннотация. Культура и межкультурные коммуникации носят глубоко личный характер. Автор стремится подтвердить это положение на примерах многолетнего сотрудничества с видными философами, социальными и политическими мыслителями стран Латинской Америки – мексиканцами В. Уркиди, Л. Сеа, колумбийцем О. Фальс Борда, уругвайцем Р. Арисменди, аргентинцем Э. Агости.

Среди тем, разрабатывавшихся данными теоретиками, важное значение для развития российско-латиноамериканских компаративных исследований имеет проблематика особенностей развития стран среднего уровня, значение региона в современном мировом сообществе, связь моделей модернизации с национальной культурной традицией, проблемы национальной идентичности (особенно проблемы миграции и метисации), соотношение культуры и политики, роль интеллигенции в современных социально-политических процессах. Особое место занимают вопросы глобалистики как науки и идеологии и взаимосвязь гуманистических партий и движений с глобалистскими утопиями.

Люди, о которых я рассказывал, были разными по характеру. Агости – идеалист, Уркиди – реалистичный, спокойный, сторонник того, что надо работать, повышая культурный уровень, уровень образования, здравоохранения, правосознания шаг за шагом. В нём англо-саксонский момент присутствовал, латиноамериканцы более порывистые всё же люди. Сеа был порывистым, Орландо был наиболее страстным: весь кабинет в фото Торреса. Арисменди и Агости – «капитаны», как Агости называл своего друга Роднея, люди, готовые и к штилям, и к бурям. Но все они люди, безусловно, честные, с достоинством, благородством, почему приятно и полезно о них вспоминать.

Ключевые слова: страны Латинской Америки, межкультурные коммуникации, культурная традиция, национальная идентичность, В. Уркиди, Л. Сеа, О. Фальс Борда, Р. Арисменди, Э. Агости.

Культура и межкультурные коммуникации носят, на взгляд автора, глубоко личный характер. Я хотел бы подтвердить эту мысль при-

мерами из моей полувековой практики контактов с представителями латиноамериканской культуры – философии, социальной и политической мысли –

которым я много обязан и в плане регионоведческих исследований, и в плане общеполитических размышлений. Мои латиноамериканские путешествия начались в 1968 году: в мае 1968-го я прилетел в Мехико, это была моя первая командировка. Прямых рейсов тогда не было, и мы очень любили дни пересадок, когда можно было на несколько дней задержаться и погулять. Но в тот раз пересадка была необычная: Париж, май 1968 года. Я любил останавливаться в университетском районе около Люксембургского сада, а в тот приезд там как раз шли демонстранты, скандируя свои лозунги, которые потом стали так известны. Вот с такими впечатлениями я впервые прилетел в Мехико.

Там у меня было, как говорят мексиканцы, три «сомбреро»: главное сомбреро – я был стажёром Колехио де Мехико (El Colegio de México), следующее сомбреро – я являлся представителем молодёжных организаций СССР в Международном комитете по подготовке Олимпиады молодёжи, поскольку в 1968 году в Мехико состоялись большие Олимпийские игры. Но наряду с ними была и олимпиада молодёжи и олимпиада культуры. У каждой из них был свой организационный комитет и свои международные эксперты. И, наконец, третье сомбреро – это то, что я был аккредитован на Олимпийских играх как корреспондент журнала «Новое время». Тогда это был международный журнал, который выходил на разных языках в Москве.

Главное, конечно, было Колехио де Мехико: уже тогда это было достаточно элитное учебное заведение с небольшим количеством студентов, аспирантов и докторантов, очень сильное с точки зрения педагогического состава и специализировавшееся на общественных науках. Там были разные центры, в том числе – Центр международных исследований, к которому я и был прикреплён.

Виктор Уркиди (1919-2004)

Ректором Колехио де Мехико был Виктор Уркиди. Тогда в свои 49 лет он уже был признанным в масштабе не только Мексики, но и в масштабе всего региона экономистом, необычным экономистом – учёным с очень широким диапазоном интересов. Сам Уркиди происходил из семьи дипломатов, родился во Франции, вместе с родителями много ездил, провёл детство и юность в разных странах. Уркиди был безусловно мексиканец, но он был человек международного уровня культуры. Это было связано, между прочим, и с семейной традицией: его отец, мексиканец с басконскими корнями, а мама – австралийка. В Испании он встретил гражданскую войну, учился в Англии, в том числе слушал лекции Кейнса, был человеком широких интересов, любил английскую культуру, его отец переводил пьесы английских драматургов, будучи дипломатом. Вернувшись в Мексику, он тесно подружился с испанскими иммигрантами, которые приехали в Мексику и другие страны Латинской Америки, спасаясь от гражданской войны. Колехио де Мехико был во многом результатом сотрудничества между испанскими иммигрантами-учёными, преподавателями и мексиканской интеллигенцией.

Мы познакомились с Уркиди, первое впечатление от которого было совсем не мексиканское, и потом я понял, почему: крупный, невысокий человек, что-то в нём было даже северное, скандинавское. Мы начали разговор сначала протокольный: кажется, я был у них первым стажёром из СССР, но потом нашлась общая тема интересов. Дело в том, что Уркиди был много лет связан с Экономической комиссией ООН для стран Латинской Америки (ЭКЛА)*. Комиссия эта родилась несколько лет спустя после возникновения самой ООН и занималась разными проблемами развития стран

* Впоследствии Экономическая комиссия ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК).

региона – не только экономическими. Уркиди некоторое время возглавлял их исследовательский центр, вокруг которого объединились ведущие учёные: экономисты, демографы, социологи, антропологи – вся деятельность Комиссии носила междисциплинарный характер [Urquidí, 1966: 22-45]. Я заинтересовал Уркиди вот чем: у меня к тому времени вышел небольшой учебник по ЭКЛА.

Дело было так: я написал диплом на тему «Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки: теоретические основания и практическая деятельность». Почему? Я заканчивал не факультет МЭО, а МО, но мне в тот период попался материал по ЭКЛА и в разговоре с одним из товарищей, который входил в команду косыгинских реформ, а тогда шли как раз косыгинские реформы, он посоветовал мне об этом написать. Я написал и защитил диплом по кафедре мировой экономики МГИМО и на основе этого диплома, когда я уже поступил в аспирантуру, сделал небольшой учебник по ЭКЛА. Он был напечатан небольшим количеством экземпляров. Я думал продолжать этим заниматься и с этим я и приехал в Мехико.

Уркиди было приятно, что я знаю работы ЭКЛА, в том числе его работы, а кроме того, его очень интересовали косыгинские реформы. А я с этим столкнулся уже не в первый раз, потому что за два года до того я был на практике во Франции, где тоже интересовались косыгинскими реформами. Тогда планировался визит Косыгина к де Голлю, а перед этим во Франции решили послать группу слушателей Высшей школы национальной администрации в СССР, чтобы ознакомиться с реформами. Тогда нашим пришла в голову мысль: послать аналогичную группу во Францию – группу «молодых администраторов», чтобы ознакомиться с тем, что происходит там.

Группу возглавил мгимовец Володя Ломейко, который потом был нашим представителем в ЮНЕСКО. Мы приехали накануне косыгинского визита во Францию, нас подсоединили к мероприятиям визита, как нам объяснили – «чтобы

были молодые лица», и поэтому у меня был некоторый опыт обсуждения косыгинских реформ в международном ключе. И это было второй нашей с Уркиди общей темой.

Что ещё его интересовало? Его интересовали взаимоотношения экономического и – шире – социального развития и организации власти, властного аппарата, бюрократии, в т.ч. и в сфере образования и высшего образования, которыми ему приходилось заниматься. Уркиди был по взглядам своим кейнсианцем, сторонником динамичного баланса роли государства и частного предпринимательства в развитии экономики и страны вообще. Его интересовала проблематика стран среднего уровня. Вот это то, что мне было очень интересно! Страны среднего уровня (вне зависимости от идеологии) он хорошо знал, интересовался теоретическими основами нашего советского развития. Он считал, что ленинский вариант марксизма – это очень эффективный вариант догоняющего развития.

Уркиди, кстати, хорошо знал английскую литературу по СССР. Я знал о книге Уэллса о поездке в Советскую Россию, но не знал о книге Рассела и его впечатлениях от поездки в Россию: её он как раз достал мне с полки и показал. В общем он интересовался результатами нашего форсированного догоняющего развития, считал, что это достаточно эффективный опыт, но с большими трудностями выхода из периода сжатия в период более спокойного состояния, причиной чему очень жёсткая идеологическая и политическая дисциплина.

Уркиди сравнивал советский и мексиканский опыт, где тоже была по существу однопартийная система. ПРИ (Партидо Революсионарио Институциональ) на протяжении десятилетий после мексиканской революции она осуществляла политическое и экономическое руководство. Уркиди был большим сторонником национализации нефти в 1930-е гг. президентом Ласаро Карденасом. Я ему рассказал о тех исследованиях по Карденасу, которые велись у нас в России (к тому времени вышла большая книга

А.Ф. Шульговского, посвящённая этим процессам). Короче говоря, вот эта проблематика: CEPAL, страны среднего уровня, сравнение взаимоотношений между политической властью, бюрократическим аппаратом, экономическим развитием – это то, что мы обсуждали.

К тому времени сложилось уже другая теоретическая группировка, которая оппонировала теоретикам-сепалистам (или как их называли – дессарольистам – от «дессароль» – развитие). Это была школа, связанная с Союзом ради прогресса – программой, выдвинутой в начале 1960-х годов США, правительственно-предпринимательской программой помощи развитию стран Латинской Америки, конечно, связанная с интересами тех, кто эту программу предлагал. И у них была своя теоретическая исследовательская группа, которая называлась «Интегральная элитарная школа». Речь шла о перевоспитании элит в регионе для того, чтобы обеспечить форсированное развитие, опирающееся на поддержку США. Когда мне Уркиди рассказывал об этих дебатах, я понял, что я об этом ничего не знаю. А он мне сказал: «Раз вы хотите написать о нашей школе, и вы уже что-то написали об этом, вы должны представлять и наших оппонентов, иначе непонятно, как идёт дискуссия». Он же тогда выдал мне ряд материалов по Интегральной элитарной школе и очень повлиял на ход моей работы. Моя кандидатская диссертация во многом была посвящена именно дискуссии между сепалистами и представителями Интегральной элитарной школы.

Моя первая статья в «Вопросах философии» называлась «Кризис “интегрально-элитарной” концепции» [Шестопал, 1974: 173-179]. Ну уж какой там был кризис – это отдельный вопрос... Это же первый номер журнала за 1970-й год, вышедший к столетию со дня рождения В.И. Ленина. Передовица, конечно, носила название «Ленинизм – идейно-теоретическое знамя современной эпохи», а всё остальное было исключительно про кризисы.

Но где действительно был кризис, так это за окном. В Мексику я приехал

как раз в тот момент, когда начались студенческие демонстрации: сначала за автономию университетов. В них, конечно, участвовали и слушатели Колехио де Мехико, что беспокоило Уркиди. Зная характер мексиканцев, он боялся, не выйдет ли это за пределы разумного. Он посоветовал мне (я же ещё и журналистом был, и только что из бурлящего Парижа) быть поосторожнее. Через несколько дней меня пригласили на митинг УНАМ (Национального автономного университета Мексики).

Когда я там появился, предложили с ходу выступить, к чему я был совершенно не готов. Митинг был не то чтобы антиправительственный, но явно протестный. Я развел руками, а кто-то из знакомых сказал: «Ты почитай стихи. Кого ты любишь? Маяковского? Вот тебе книжка!». Я вышел и стал читать стихи Маяковского в переводе, стяжал большой успех..., но не у Уркиди. Потому что, когда мы встретились с ним через несколько дней, он сказал мне: «Да-да, я знаю, вы поэзией интересуетесь... Но вы всё-таки полегче, поосторожнее». Олимпийский же экспертный комитет совсем от моего выступления приуныл и решил меня отослать подальше. Они мне сказали, что поскольку Олимпиада не только в столице, но и по всей стране (а действительно, были разные виды спорта в разных городах), поезжайте, посмотрите по стране, как оно там.

И это была невероятная удача! За их счёт, с красивой переводчицей меня отправили в путешествие по всей стране, она платила по всем счетам, за гостиницы, обеды и так далее: никогда – ни до, ни после – я так не путешествовал. И я увидел, как в городах поднимается молодёжное движение. Но был любопытный момент: поскольку в этих городах действительно готовились к Олимпиаде, были такие местные благотворительные кружки, куда входили властные и богатые люди, которые опекали подготовку к Олимпийским играм.

Они меня приняли как своего, делились впечатлениями так, как, конечно, в столице не делились: они весьма резко

отзывались относительно молодёжных движений. Но некоторые считали, что чем хуже, тем лучше, так как, дескать, засиделись *эти* из Институционно-революционной партии. И если студенческие волнения перейдут черту, то можно будет сказать, что правительство не справляется с ситуацией и вообще (тем более что Олимпийские игры под угрозой!) это будет поводом для того, чтобы вообще потеснить многолетнее владычество Институционно-революционной партии.

Вот с этими впечатлениями я вернулся и поделился с Уркиди, что, дескать, есть правое крыло, которое может поддерживать ультралевое крыло для того, чтобы свалить центристское правительство. Он сказал, что да, к сожалению, такая угроза есть. Вот это были наши весенние разговоры, а потом я уехал и вернулся осенью, когда события приняли уже трагический оборот. Тогда за несколько дней до начала Олимпийских игр был расстрелян студенческий митинг, так называемая «резня Тлателолко».

Это был страшный *массакр*: на площади Трёх культур (развалины пирамиды ещё доколумбовых времён, колониальный собор и здание министерства иностранных дел в современном стиле, окружённые каре из жилых домов) собралась толпа студентов на митинг. Лидеры стояли на балконе на высоте третьего этажа, и когда они там собрались, сверху нависли вертолёты, которые открыли огонь безо всяких предупреждений. И даже не так много людей погибло от стрельбы, гораздо большее количество бросилось в тесные проходы между домами и подавили друг друга.

Страшная история. Олимпийские игры, а в городе по существу режим ЧП, в переулках – бронетранспортёры, вместо спортивного парада – парад кадетов на открытии Игр. Мы встретились с Уркиди, он был грустным, в подавленном настроении. Незадолго до этого массакра на Площади трёх культур были и другие акции: обстреляли Колехио де Мехико. Так что осенью наши встречи были короткими и безрадостными. Потом мы встретились

на протяжении многих лет, он был ректором Колехио де Мехико больше 20 лет, основал там новые центры, в том числе Социологический центр, а я уже тогда определился точно в сторону социологии. Он очень мне помог в 1982 г., когда в Мехико проходил Международный социологический конгресс. Я был активно включен в его подготовку, а в Колехио де Мехико был уже Социологический центр, который возглавлял Родольфо Ставенхаген – известный социолог. Они помогли в налаживании наших контактов с мексиканскими социологами и в том, чтобы участие советских социологов в этом конгрессе было бы удачным, и оно было удачным. Уркиди выступал на пленарном заседании и сказал добрые слова в наш адрес.

Вообще Уркиди был человек большой общей культуры и этот вот момент – единство культуры в нём чувствовался. Он был экономистом высокого уровня, но был человеком с интересами и социологическими, и демографическими, и антропологическими. Когда он вернулся в молодости в Мексику, была такая группа в УНАМе – философская группа «Гиперион», которую патронировал Хосе Гаос – ученик Ортега-и-Гассета, один из испанских эмигрантов. И от этой группы пошла вся послевоенная мексиканская философия. К США, насколько я могу понять, у него было отношение реалистическое. Он хорошо знал США, у него были широкие связи в деловых и в академических кругах США, но тут он был мексиканцем: отлично понимал, что от США никуда не деться, но о том, что Штаты когда-то отрезали треть их территории, он не забывал.

Леопольдо Сеа (1912-2004)

Уркиди познакомил меня весной 1968-го г. с другим персонажем, о котором я хотел бы рассказать – это Леопольдо Сеа, его добрым знакомым ещё по «Гипериону» их молодых лет. Год их ухода из жизни был один, но Сеа был постарше, он 1912 г. рождения, а Уркиди 1919-го. Уркиди попросил Сеа, чтобы он принял

меня в своём Центре по координации и распространению латиноамериканских исследований – была такая организация тоже при поддержке ООН, которая базировалась на УНАМе, тесно сотрудничала с CEPAL. Вот тоже ещё одна черта Уркиди: он сказал мне: «Если вы хотите заниматься CEPAL, вы должны понять, что это не только экономические исследования, но и более широкие. Так что познакомьтесь с организацией, которая занимается вообще Исследованиями Латинской Америки».

На протяжении 25 лет нашего знакомства мы с Сеа встречались не только в Мексике, но и в Москве. С его центром у нас установились хорошие контакты, с ними сотрудничали советские латиноамериканисты из Института Латинской Америки, а также из Института мировой литературы и искусств (ИМЛИ). Позже, в 1984 г. в Москве была выпущена книга «Философия американской истории» [Сеа, 1984], а последний раз мы с ним встретились на Всемирном философском конгрессе в Москве в 1993 г. Что было темой разговоров? Сеа – один из основоположников концепции «латиноамериканидада» (и в частности «мехиконидада») – то есть особенностей исторического, культурного развития стран Латинской Америки, особенностей философии Латинской Америки и Мексики, но именно в обращении к своим истокам и корням.

Перед знакомством с Сеа я несколько дней провел у Давида Сикейроса. У меня были рекомендательные письма, и я поехал к нему в Куэрнаваку, где были его дом, студия. Кстати, когда я поехал в УНАМ к Сеа, то первое впечатление от УНАМ – огромная фреска Сикейроса «Народ — университету, университет — народу», это визитная карточка УНАМа. Сикейрос – это отдельная тема, хотя если говорить вообще о культурном влиянии, которое я испытал ещё до поездки в Мексику, наиболее крупные персонажи – это Пабло Неруда, Давид Сикейрос и Гарсиа Маркес. С Нерудой я имел счастливую возможность встречаться и слушать чтение им стихов, с Сикейросом тоже встречался, с Маркесом – нет, хотя и хорошо знал людей, которые общались с ним.

И вот Сеа мне сказал, что если вы видели Сикейроса, его работы – вот это и есть мекхиканидад. Его очень интересовало взаимовлияние трёх культур: индейской, испанской, мексиканской в сложных взаимоотношениях между ними. Испанцы – колонизаторы, разрушители и вместе с тем это то, что уже вошло в плоть и в кровь. Индейцы – которые погрузились в глубину, но всплывают из глубины.

У нас были с ним очень интересные разговоры насчёт метисации в России и вот об этих погружениях и всплываниях в русской культуре. С одной стороны – метисация времен Киевской Руси (варяги, славяне, половцы), встреча Востока и Запада, позднее слияние с угро-финнами при возникновении Московской Руси, затем русская культура, уходящая вглубь во время татаро-монгольского нашествия, затем метисация на востоке и на юге с тюркскими элементами, потом петровские реформы, погружение московской культуры, которую перекрывает западная, потом всплытие этой московской культуры.

Особенно ему понравился образ града Китежа, который уходит под воду, откуда потом доносится звон колоколов и время от времени град Китеж всплывает. Он сказал: «Так вот это же мы! Сейчас всплывает наша индейская культура. Вот ты видел Сикейроса – в нем всплывает этот пласт культуры». Но не меньше его интересовало и то, как возвращается испанская культура, ведь он был связан с «Гиперионом», который патронировал Хосе Гаос, и сформировался Сеа во многом под влиянием испанских эмигрантов. Это другая Испания, Испания, которая снова пришла в Латинскую Америку, но пришла уже не завоевателями, а в поисках убежища.

Кстати, я благодарен Сеа и вообще Латинской Америке за Испанию, ведь парадоксальным образом для моего поколения мы открыли ибероамериканский мир сначала латиноамериканским: Испания была закрыта до середины 1980-х гг. для контактов. У нас, конечно, были контакты в Москве с испанцами-республиканцами, это замечательно, но

поехать туда было невозможно. Поэтому я шёл к Испании через Латинскую Америку и в том числе через Сеа, через Хосе Гаоса выходил на Ортегу-и-Гассета и т.д.

Вот эпиграф, который выбрал к своей книге Сеа из Хосе Гаоса: «Стремление отринуть своё прошлое и перестроиться по внешним меркам не оправдало себя, как и любая другая утопия. Перестроиться по чужой мерке, видимо, ещё можно, а вот отрешиться от своего прошлого – вещь абсолютно невозможная. Не в этих ли обстоятельствах основная предпосылка длительного бездействия испано-американской мысли прежде и стремительного её оживления теперь, в последние годы....» [Сеа, 1984: 11]. В этом суть, обращение к своим корням.

Был эпизод с публикацией книги Сеа в Москве, а она непросто шла, хотя были люди, которые контактировали с Сеа и которые хотели, чтобы она была напечатана. Сложность была вот такая: в московском издании этого нет, а вот в издании мексиканском есть полемика с классиками марксизма-ленинизма, потому что классики марксизма-ленинизма, в том числе Ф. Энгельс, приветствовали колониализм США и завоевание Калифорнии и Техаса, что, как мы понимаем, противоречит тому, как это воспринимают мексиканцы. Вообще, надо сказать, что в ЛА сложное отношение к некоторым пассажирам в наследии и К. Маркса и Ф. Энгельса, которые весьма поддерживали колониализм в целом, считая, что это прогрессивно и работает на общеисторическое движение, развитие экономики, производства и, в конце концов, приведёт к всемирному коммунизму. Но пока что есть издержки, с которыми надо мириться. А мириться не хотелось. Но, как вы знаете, и отношение к России было достаточно непростым у классиков марксизма-ленинизма.

Сеа я благодарен ещё и за то, что он сподвиг меня интересоваться историей русской философии. Дело в том, что наше поколение, за редким исключением, знало историю русской философии в весьма усечённом виде, а вот это обращение Сеа к истории философии, в т.ч. к истории ис-

панской философии очень настраивало меня на то, чтобы интересоваться историей русской философии в не усечённом виде.

Наше последняя встреча с ним была на Московском философском конгрессе 1993 г., который был за два месяца до того, как началась московская стрельба в октябре. В рамках конгресса был круглый стол «Евразия и Иberoамерика: традиции и модернизация, философские рефлексии» [Шестопад, Сеа, 1994: 48-72]. Он был подготовлен организационной группой в составе И. Мурильо (Испания, журнал «Диалог и философия»), А.В. Шестопада (МГИМО) – сопредседатели – и ряда других лиц. И мы очень благодарны были Сеа за то, что он согласился выступить на этом круглом столе. В своём докладе он подчеркнул, что испанцы принесли с собой уникальный опыт смешения рас, сосуществования, что превратило этот регион в своего рода тигель для рас и культур, имевший огромное значение. Он вообще в тот период был преисполнен надежд и упований. Кстати, Уркиди был намного более реалистичен относительно оценки наших событий 1980-х-гг., перестройки и т.д. Сеа был уверен, что так же, как через почти два века после того, как стал распадаться ибероамериканский мир, имея в виду метрополию и колонии, происходит восстановление культурного единства ибероамериканского мира, основанного в первую очередь на языке. В будущем можно надеяться и на восстановление единства культур русскоязычного мира.

Орландо Фальс Борда (1925-2008)

Если первой своей монографией, которая вышла в 1974 г. [Шестопад, 1974], я во многом обязан В. Уркиди и дискуссии между сепалистами и Интегрально-элитарной школой, то второй книгой, которая вышла в 1981 г. [Шестопад, 1981], я во многом обязан Орландо Фальс Борда, профессору Национального университета Колумбии, основателю Социологического факультета. Этот факультет был основан в 1960 г. Орландо вместе с его другом,

известным социологом, одним из основателей теологии освобождения, католическим священником падре Камило Торресом. Последние месяцы жизни Торреса прошли в партизанском отряде, где он участвовал в походах и был убит в 1966 г. В основании Социологического факультета принимала участие и жена Орlando Мария-Кристина Саласар, тоже социолог.

Мы познакомились с Орlando на Социологическом конгрессе в Болгарии, в Варне, в 1970 г., где я отвечал за встречи нашей делегации с латиноамериканскими участниками. Познакомил нас Ален Турен, с которым мы были знакомы с 1966 г., когда я был в Париже на стажировке в Высшей школе национальной администрации (ЭНА). ЭНА – оплот французской бюрократии, её ректором тогда был месье Газье, который даже внешне был потрясающе похож на персонажа, который кочует из одного французского фильма в другой – такой вот генеральный директор («месье презедант директор женераль»).

Молодёжные движения процветали, поэтому по вечерам мы общались с левыми товарищами и их наставниками, вот среди наставников был и Ален Турен – известный к тому времени социолог, один из первых теоретиков постиндустриального общества и сторонник «участвующей социологии», и его ученики-«акционисты». Жена Турена была чилийкой, поэтому он был тесно связан с латиноамериканцами, в том числе с Фальс Борда, и вот благодаря Турену мы в Варне и познакомились. Там же была презентация книжечки Фальс Борда «Незавершенные революции в Латинской Америке (1809-1968)» [Fals Borda, 1970]. И хотя речь в книжке шла о том, как в зависимых странах исторические циклы находят друг на друга и возникает многоукладность, которая создаёт трудности в развитии этих стран, но воспринималась она во многом как незавершённость революции 1968 г., тем более, что там шла речь о том, как студенты становятся контрэллитой или антиэллитой.

В первой половине и середине 1970-х гг. я не раз бывал в Колумбии, мы с Ор-

lando общались, он знакомил меня со своими исследованиями крестьянства как питательной среды партизанской войны, истоков насилия. В моих отношениях с Фальс Борда мне помогла другая моя работа – по сути, моя первая научная статья, которая вышла в сборнике «Учёные записки МГИМО» за 1965 г. Речь идёт о студенческих и аспирантских материалах, ответственным за выпуск которых был аспирант Николай Ливенцев. Потом он много лет возглавлял кафедру международных экономических отношений, а сегодня она носит его имя. Моя глава была посвящена теме «Империализм США и внутриполитическое развитие Колумбии в 1944-49 гг.».

В основном в центре моего внимания было так называемый «боготасо» – восстание в Боготе в результате убийства лидера левых либералов Хорхе Гайтана в 1948 г. После этого, хотя восстание и было подавлено, началась гражданская война, которая идёт, по существу, до сих пор. Несмотря на все перемирия, примирения, международные премии мира, которые выдавались за восстановление мира в Колумбии. И вот эта тема «боготасо», насилия нас с Орlando очень объединила.

В 1977 году я был в Картахене на очень интересном симпозиуме, который был посвящён теме «инвестигасьон аксьон» (т.е. исследованиям-действиям) – проблеме акционистов. Организаторами были Орlando и его жена Мария [Fals Borda, 1978]. А в ноябре 1979 года я приехал в Боготу на круглый стол, который проводил Национальный университет. Когда я приехал, организаторы предложили в рамках культурной программы встретиться с тем, с кем мне будет интересно пообщаться. Я ответил, что хотел бы повидать Фальс Борда. Они переглянулись, но я не придавал этому значения. На следующий день приходит машина, я еду к Орlando, мы разговариваем, я чувствую какую-то напряжённость, спрашиваю, как Мария, а он отвечает: «Ну как, она же ещё в тюрьме. Меня-то выпустили, а она всё ещё в тюрьме...».

Дальше из разговора я понимаю, что несколько месяцев назад Орlando и его жена были арестованы: в доме, принадлежавшем Марии, ультралевая организация «M19» хранила похищенные из арсенала винтовки. Мария мужественно взяла всю вину на себя, Орlando выпустили, а она провела в тюрьме больше года. Передав Орlando для Марии матрёшку, я вернулся в гостиницу и ночь провёл в кресле, не раздеваясь, на случай если будут неожиданные визиты. На следующий день был приём в нашем посольстве по случаю ноябрьских праздников. Ко мне подошёл один из колумбийских профсоюзников и сказал, что хочет познакомиться меня со своим университетским преподавателем, профессором права.

В ходе нашего разговора с профессором я спрашиваю, какие курсы он сейчас читает. Он отвечает: «Вы знаете, я на практической работе сейчас». Я отвечаю, что это очень полезно нам, преподавателям-теоретикам, быть время от времени на практической работе. Спрашиваю, какая же это работа? Он говорит: «Президент попросил меня отвечать за политическую полицию». И смотрит на меня. А я смотрю на него и, как говорят в таких случаях, я понимаю, что он понимает, что я понимаю. Короче говоря, он желает мне успехов в моих занятиях в университете. Пока мы говорили, ко мне подошёл наш советник по культуре и наступил на ногу. Я не понял сразу, почему. Мы распрощались с профессором, ко мне подходит этот советник и спрашивает: «Ну что?» Я отвечаю, что предупреждать надо, а он говорит: «А он у нас никогда не бывал раньше». Такая вот была встреча.

После чего мы несколько раз виделись с Орlando, последний раз – в 1986 г., они с женой подарили мне интересные книги. В одной из них он писал о самоорганизации крестьян, которые стали страдать от гражданской войны уже с двух сторон. Примерно тому же была посвящена книга Марии Саласар.

Последнее впечатление от Колумбии у меня такое: мы ехали через маленькие городки, в каждом – памятники «апо-

столам независимости», остановились в одном городке. Я уловил дивный запах кофе, и мы с Орlando и Марией пошли по улице, в конце которой была старинная усадьба в классическом варианте колониальных времен: барский дом, два крыла, а там груды кофе во дворе. И жаровни, на которых жарят зерна кофе. Мы подошли, они нам решили показать, что такое настоящий колумбийский кофе: налили мне кофе – на доньшке – но когда я выпил, голова пошла кругом! К удовольствию Орlando и Марии.

Кроме того, что Орlando познакомил меня за эти годы со своими левыми коллегами-социологами, он сохранил контакты и особенно жена его Мария – с левыми католиками, «теологами освобождения». Это был круг людей Камило Торреса: он был одним из наиболее ярких людей, а после своей гибели превратился без преувеличения во второго Че Гевару, по крайней мере, в Латинской Америке. И это очень важно: социолог-акционист, священник-акционист, ученый-акционист: подлинное знание – только когда ты участвуешь. Орlando, для которого не было секретом, что я преподаю для латиноамериканцев в Институте общественных наук (Международной ленинской школе), сказал: «Ты же акционист, ты же готовишь революционеров».

Этот вот вопрос – акционист или не акционист – был очень важен. Вообще, надо сказать, что мгимовская школа – это школа акционистов: здесь же всё-таки готовят, как теперь любят говорить, практико ориентированных специалистов – дипломатов, международных. У меня так получилось, что пришлось многие годы готовить политиков. Что это даёт? Это даёт немало. Но тут очень важно не оказаться пленником этой ситуации, пленником политики. Особенно это трудно для тех, кто готовит политиков. Помните старую шутку?

- Я медведя поймал!
- Так веди его сюда!
- Не идёт.
- Так сам иди!
- Так он меня не пускает!

Проблема – наука и политика, искусство и политика, церковь и политика, культура и политика. От политики никто не свободен, но, думаю, что всё-таки надо, чтобы была определённая доля независимости. Мне приходилось с этим встречаться не только теоретически, но и практически в разных ситуациях. Политик – это политик, политический советник – это политический советник, политолог – это политолог, философ, занимающийся политической философией, – это философ. И надо осознавать своё место, своё положение для того, чтобы не оказаться заложником политической ситуации.

Эктор Агости (1911-1984)

И некоторый опыт в этом отношении у меня был ещё до поездки в Мексику. В течение года я был референтом Роднея Арисменди – генсека Коммунистической партии Уругвая. Он был очень интересным человеком, политиком и теоретиком, автором книги «Проблемы континентальной революции» (в советском издании «Проблемы латиноамериканской революции» [Arismen di, 1964]). В середине 1960-х гг. у нас обострились отношения с кубинцами в силу разных обстоятельств, в первую очередь это шло от Карибского кризиса.

Но дело было не только в этом: мы не поддерживали идею континентальной революции Кастро и Че Гевара. Кастро стал создавать параллельные компартии в странах Латинской Америки, что, конечно, никак нас не могло устроить. Короче говоря, единственный человек, который продолжал поддерживать отношения и с нами, и с Кастро – это был Р. Арисменди. Был ещё Ч. Джаган из Гайаны, но формально его партия не была коммунистической. А Арисменди какое-то время передвигался по треугольнику Монтевидео – Москва – Гавана – Москва – Монтевидео и надолго задерживался в Москве. Это был 1967-й год, год подготовки к 50-летию Великой российской революции, которая тогда называлась Великая Октябрьская социалистическая револю-

ция. Ему нужен был референт, вот я и был его референтом в течение года как внештатный младший референт Международного отдела ЦК КПСС.

Я обязан Арисменди по многим причинам. Во-первых, благодаря ему я вблизи увидел нашу политическую верхушку во время переговоров, встреч: я был не только референтом, но и переводчиком. Во-вторых, узнал латиноамериканскую левую политическую верхушку, когда они съехались в Москву на юбилей революции. Арисменди писал в то время свою книгу «Ленин и Латинская Америка». И я готовил ему материалы. Что важно для меня было – это интерес Арисменди к проблемам региона, региональному масштабу в современной политике. Он, между прочим, и Советский Союз воспринимал как регион.

Среди людей, с которыми я познакомился благодаря Арисменди, был Эктор Агости – крупный теоретик аргентинской компартии, писатель, философ, главный редактор журнала «Cuadernos de Cultura». Арисменди, хотя и был автором крупных книг, себя ощущал в первую очередь политиком. И я помню, что он говорил иногда: «Алексей, ты должен решить, кто ты: политик или учёный – политолог, социолог, философ? Это разные вещи. Учёный может сказать: «Да, но...» или «Нет, но...», а политик должен говорить: «Да» или «Нет», и чем тверже он это говорит, тем больше у него простор для будущих переговоров, компромиссов и пр. Но он чётко должен сказать, я с вами или не с вами. Учёный не обязан. Он может начинать с сомнений».

Агости был философом, писателем и политиком, но, я думаю, что в первую очередь все же философом и писателем. Мы с ним потом встречались довольно часто в Институте общественных наук, когда туда приезжали трёхмесячные группы теоретиков аргентинской компартии. Вообще, надо сказать, представители аргентинской партии были самыми сильными в теоретическом плане из компартий. И я думаю, что не только из компартий, а вообще из левых латиноамериканских партий. Там была силь-

ная команда. они приезжали не для того, собственно, чтобы учиться, а для чтобы дискутировать, обмениваться мнениями.

С аргентинцами работали всегда самые сильные наши почасовики. Были среди них И.Т. Фролов и М.К. Мамардашвили. Аргентинцы дружили с журналом «Вопросы философии», который тогда переживал свою золотую, я считаю, эпоху. И Агости был опекуном этих трёхмесячных групп, часто присутствовал на занятиях. А я присутствовал на этих занятиях в силу одной любопытной особенности: если занятия в группах вели не штатные преподаватели, а почасовики, должен был участвовать либо ведущий кафедрой, либо заместитель ведущего. Но поскольку Ю.А. Замоскин не участвовал, то участвовал я. И обычно на таких встречах я представлял группе уважаемого гостя в начале встречи и благодарил в конце, а сам сидел и слушал, что было очень интересно. Благодаря этому я услышал много интересных наших людей.

Но однажды приключился вот какой эпизод. Аргентинцы любили Мамардашвили и всегда, когда приезжали, просили, чтобы он пришел к ним. Однажды он пришёл, прочитал лекцию, за которой последовали вопросы. А незадолго до этого за рубежом были опубликованы критические комментарии Солженицына по поводу письма, с которым Сахаров обратился к вождям Советского Союза, известная полемика между Солженицыными и Сахаровым. И поскольку в Институте общественных наук не было запретных тем, то они спросили Мераба, читал ли он то, что Солженицын написал, и что об этом думает.

Мамардашвили очень критично отозвался о Солженицыне в пользу Сахарова. Не знаю, что на меня накатило, но бывают такие необъяснимые вещи: я сказал, Мераб Константинович, вы извините, но мне кажется, что есть аргументы и в пользу позиции Солженицына. «Как интересно», – сказал Мамардашвили. Завязался разговор. А через несколько дней группа собиралась уезжать и было при-

нято, чтобы на прощание их принимал кто-то из Международного отдела ЦК, спрашивал о впечатлениях. Не знаю, как там прошла беседа, но мне позвонил ректор Ф.Д. Рыженко: «Зайди ко мне!». При встрече он спросил, как у нас с аргентинцами прошло занятие с Мамардашвили. Я ответил, что нормально все прошло. «Вы что совсем уже что ли? Ничего не понимаете? Как вам пришло в голову устроить дискуссию по поводу Сахарова и Солженицына?!», – воскликнул ректор.

Оказывается, они из лучших побуждений сказали, что все было хорошо, но особенно хорошо была дискуссия, где один советский товарищ был за Сахарова, а другой – за Солженицына. Хорошо, что их принимал В.В. Загладин, который курировал Институт общественных наук от Международного отдела и заведовал кафедрой в ИОНе. И хорошо, что на беседе присутствовал Агости. Он тоже понял, что происходит, и подтвердил, что все было хорошо. Что все всё правильно поняли. А так мы с каждой из этих трёхмесячных групп бывали в «Вопросах философии», их принимали главный редактор Фролов и Мамардашвили как заместитель главного редактора.

Мы общались с Агости на Латиноамериканском симпозиуме ИОН, где сокоординаторами были мы вдвоём с С.И. Семёновым, тоже мгимовцем. Это были симпозиумы, где обсуждались документы партии, теоретические работы, такой действующий клуб. И в частности, там была одна тема, в обсуждении которой Агости активно участвовал – интеллигенция и революция. Эта тема традиционная вообще-то, но тут возникла проблема перехода к постиндустриальному обществу, роль классического рабочего класса, роль нового рабочего класса – те, кто трудятся уже не в сфере материального производства, а новых технологий, информации и т.д. Были разные позиции по этому вопросу, вызывавшие в том числе изрядную дискуссию и у нас тогда. Среди латиноамериканистов был очень интересный авторский коллектив: А.Ф. Шульговский, Б.И. Коваль и С.И. Семёнов. Они выпустили многотомное исследо-

вание по социальной структуре стран Латинской Америки [Мерин, 1985: 376, Шульговский, 1972: 479, Шульговский, 1974: 479, Мерин, Шульговский, 1978].

И они стояли на продвинутой позиции постиндустриального общества, а эту позицию не принимал директор Института Латинской Америки В.В. Вольский. Все они, кстати, тоже мгимовцы: Семёнов из ИЛА перешёл в ИОН; Коваль на некоторое время тоже уходил в ИОН, потом он ушёл к Т. Тимофееву в Институт международного рабочего движения; Шульговский на время ушёл в МГИМО, потом вернулся в ИЛА. Но суть была не в этом, главное, что их тексты обкатывались на симпозиуме и потом можно было сослаться на мнение теоретиков латиноамериканских партий уже при обсуждении в нашей отечественной латиноамериканистике.

И вот Агости поддерживал эту позицию о возрастании роли интеллигенции в социальных процессах, причём он во многом следовал традиции Грамши. Ещё раньше он начал знакомить с работами Грамши латиноамериканскую аудиторию, и не только аргентинскую, а и шире. Кстати, последняя работа Агости, которая вышла в Москве через несколько месяцев после его кончины в 1984 г. – сборник его статей «Революция. Интеллигенция. Культура» со вступительной статьей Арисменди [Арисменди, 1984: 3-20]. Я принимал участие в подготовке этой работы.

Когда готовилась книга Сеа «Философия американской истории», были сложности: пришлось снять параграф, посвященный марксизму в истории латиноамериканской философии, а мне пришлось написать дополнительную рецензию. С работой Агости никаких сложностей не было, но я помню, что по поводу этой вступительной статьи Арисменди мы встречались и общались.

Тема, которая вызывала небольшие сложности, – это тема глобализма, глобальных проблем современности, которая обсуждалась на семинаре Загладина – Фролова. Почему я так его называю: он начинался как семинар Загладина, это был семинар молодых учё-

ных, который должен был объединить действительно молодых мгимовцев, которые пришли с Рыженко вместе в ИОН. Загладин согласился быть научным руководителем данного семинара.

В Институте общественных наук я провел больше 20 лет, с 1970 по 1991 (а познакомился и того раньше – в 67-м, когда приезжал туда вместе с Арисменди). Институт был образован ещё во времена Хрущёва, предполагалось, что ректором (конечно, как почётным руководителем) института будет Суслов. В институте занимались представители партий более 60 стран – капиталистических, развитых, развивающихся, потому что представители социалистических стран учились в Академии общественных наук вместе с нашими товарищами, а вот представители коммунистических, социалистических, народно-демократических партий учились в ИОН. Был назначен первый заместитель Суслова из секретарей обкомов, который и сформировал коллектив так, как он считал нужным, как если бы он формировал высшую партийную школу.

А потом Суслов передумал и отказался, и тогда, с подачи Андропова, был назначен Ф.Д. Рыженко – ректор МГИМО. Когда Фёдор Данилович пришел в ИОН, он увидел, что тот коллектив, который был сформирован, не очень подходит для решения задач, поэтому он привёл с собой команду мгимовцев со знанием языков, международных отношений. Отношения между этими двумя частями в коллективе были непростыми и оставались такими до конца – до 1991 г. В общем, чтобы объяснить мгимовцам, как себя надо вести и действовать, был создан Семинар молодых учёных, руководителем стал мгимовец, заместитель заведующего Международным отделом В.В. Загладин, а я стал старостой этого семинара. Сначала семинар занимался современными проблемами дискуссии в левом движении, а тогда дискуссия очень обострилась после чешских событий: один фланг был евро-коммунистическим, другой был прокитайским. И на том, и на другом возникало много вопросов, надо

было искать какие-то темы, по которым вообще можно встречаться и говорить. И оказалось, что такая тема – это глобальные проблемы современности.

Ими занимался И.Т. Фролов – в тот момент главный редактор журнала «Вопросы философии», до того он был в «Проблемах мира и социализма». Понемногу глобальные проблемы вошли в центр работы семинара. Кроме Фролова туда вошёл ещё Э.А. Араб-Оглы, который также вёл спецкурсы по глобальным проблемам в ИОНе. Участвовали ещё Бестужев-Лада, Григорян из Сектора проблем человека Института философии. Фролов уговорил Загладина сделать совместную книгу по глобальным проблемам, Загладин защитил докторскую по этой проблематике [Загладин, 1981].

Семинар был очень интересный. Принимали участие и зарубежные гости, и в том числе Арисменди и Агости. Агости ещё в 1970-х – начале 1980-х гг. не раз выступал против иллюзий глобализма, то есть не против глобалистского универсализма, к чему мы привыкли, а против иллюзий. Это было связано с тем, что в Аргентине зародилось в конце 1960-х так называемое «гуманистическое движение» за гуманистические ценности, за ненасилие. И эта позиция стала получать влияние в левом движении Аргентины, тем более, что насилия в тот момент в стране было предостаточно: с одной стороны были ультралевые городские партизаны, а с другой – стали формироваться «батальоны смерти» – правые радикалы, и страна стала двигаться к гражданской войне.

В этой ситуации пропаганда гуманизма как ненасилия стала получать все большую аудиторию. Но Агости говорил, что насилие нельзя остановить ненасилием. Он, кстати, неплохо знал нашу историю, и историю толстовства, и что оно не остановило развитие терроризма в России, и всех последующих акций. Надо сказать, что по этому вопросу при всём уважении, которое было к Агости со стороны его молодых коллег, единства не было: были довольно острые и сложные дискуссии. Он выступал против

иллюзий гуманистического глобализма и говорил о том, что глобалистика, если она примет идеи Сило и гуманистического движения, может превратиться в новую утопию. Уже тогда стали в Аргентине называть гуманизм «переработанным марксизмом», и считать, что это будет путь от науки к утопии. Помните, есть работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»? Так вот, это будет наоборот от науки к утопии. И он, надо сказать, как в воду глядел.

Агости умер в 1984 г. В 1985-м вышел номер журнала «Латинская Америка», где на первой странице был портрет Михаила Сергеевича Горбачёва, нового генерального секретаря ЦК КПСС, а в конце были воспоминания А.В. Шестопала об Агости. Такой вот диапазон. Эти воспоминания были переведены и напечатаны в «Cuadernos de Cultura» [Shestopal, 1985: 18-23]. После 1985 г. начались известные исторические события. Фролов тогда уже не был редактором «Вопросов философии», его сняли после разгромной критики в середине 1970-х гг.

Но тот, кто его снимал, не учёл, что Иван Тимофеевич учился вместе с Раисой Максимовной Горбачёвой – это было за 10 лет до того – а когда Михаил Сергеевич стал генсеком, а Раиса Максимовна, соответственно, первой леди, Иван Тимофеевич стал главным редактором газеты «Правда», членом Политбюро и т.д. А идеи глобалистики стали «новым политическим мышлением». И критика их стала уже, конечно, невозможна. Тем не менее судьба глобалистики очень интересна. Пошло ли ей на пользу превращение её в наш вариант из науки в идеологию? А пошло ли на пользу марксизму превращение в идеологию? Какова роль интеллигенции в этом? То, о чём тоже размышлял Агости...

У него была ещё одна тема, которая его интересовала. Если Сеа интересовала тема мексиконидада, то Агости интересовала тема архентинидада. В латиноамериканской идентичности есть два наиболее оформленных полюса: полюс мексиканидада (который исходит из синтеза испано-индейского) и полюс архин-

тинедада, где индейская составляющая очень мала. У аргентинцев вообще весьма своеобразное представление о себе, и оно менялось: в конце XIX – первой половине XX вв., когда их дела шли достаточно хорошо и они преуспевали, это была латиноамериканская Европа, новый Париж. Это, кстати, отражается и в архитектуре Буэнос-Айреса. Отношение к соседям, где было много метисного и индейского населения, было пренебрежительное – «чолос».

Потом дела стали идти хуже, хуже и хуже и вдруг произошёл переворот: обнаружили дедушки-бабушки индейского происхождения, благородные касики и т.д. Агости, который с большим уважением относился к индейским культурам, эти заявления о индейских предках тех, кто даже по внешнему виду никакого отношения к индейцам не имел, всерьёз не воспринимал. И он не раз посмеивался, называл их чингачгуками.

Но сама тема идентичности аргентинской его очень занимала, потому что это действительно тема идентичности молодой нации, которая должна ощутить себя. И он считал, что Аргентина – как раз пример синтеза прежде всего европейских культур, но не только европейских: он любил вспоминать прошлое Испании, включавшее в себя многие культуры, в том числе финикийские, арабо-исламские, эпоху анандалуз, где сочетались три авраамистические религии и культуры. Эта тема идентичности как синтеза культур его очень занимала.

В 1984 году Агости не стало. Меня попросили написать воспоминания, я написал о нем как о друге СССР, хорошо знавшем наших деятелей культуры, нашу историю. Писал о нём как о человеке партии, сделавшем много для левого движения. Но в самом начале я написал, что, когда уходит человек такого масштаба, нужна дистанция, чтобы оценить его труды, его наследие. Сегодня бы я, ничего не меняя из того, что написал, добавил к тем воспоминаниям вот эти его раз-

мышления относительно гуманизма, его опасения по поводу «гуманистического» глобализма и другие вещи, которые тогда не были так ясны, а сегодня с учетом дистанции многое становится понятнее.

В середине 1980-х Аргентина для нас открылась после военной диктатуры, мы стали там бывать. Я помню, как мы встречались как раз с теми людьми, которые приезжали к нам на трёхмесячные стажировки в ИОН, вспоминали Агости, сидели в его любимых кафе. Однажды в одном из кафе на центральной площади нам была дана картинка того, что может и чего не может ненасилие: вдруг на площадь стали собираться две толпы – это было вскоре после «Декрето зеро» – «нулевого декрета», который объявлял амнистию и для тех, кто был левым радикалом, городским партизаном, и тем, кто был в «батальонах смерти». И на площади собирались жены и матери убитых с одной и другой стороны протестовать против этой амнистии и требовали наказания. И маленькая цепочка гвардейцев, которая разделяла две толпы, которые рвались разорвать друг друга на части... Более страшной картины я припомнить не могу: две женские толпы, бросающиеся друг на друга. Остановить это могла только сила, и было видно, как колеблется цепочка, которая разделяла этих обезумевших людей.

Аргентина была последней из латиноамериканских стран, в которых я был. Моё путешествие длилось с 1968 по 1991 год. Летом 91-го я улетал вместе с коллегами из Буэнос-Айреса после Международного политологического конгресса, где советская делегация прочно раскололась на две части. И мы возвращались, чтобы наблюдать и обсуждать проблемы насилия и ненасилия уже у себя дома...

Люди, о которых я рассказывал, были разными по характеру. Но все они люди, безусловно, честные, с достоинством, благородством, почему приятно и полезно о них вспоминать.

Список литературы:

- Арисменди Р. Эктор П. Агости – философ, литературный критик и публицист / Агости Э. Революция, интеллигенция, культуры. М.: Политиздат. 1984. 399 с. С. 3-20.
- Господствующие классы Латинской Америки. (Шульговский А.Ф., Галкина А.Д., Самаркина И.К. и др./ Отв. ред. Шульговский А.Ф., Мерин Б.М.) М.: Наука, 1978. 444 с.
- Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Международные отношения, 1981. 240 с.
- Сеа Л., Шестопал А.В. Евразия – Ибероамерика: традиции и модернизация // Латинская Америка, 1994. №3. С. 48-72.
- Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке /Отв. ред. Мерин Б.М. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, 1984. 352 с.
- Сельские трудящиеся Латинской Америки / Отв. ред. Шульговский А.Ф. М.: Мысль, 1972. 479 с.
- Средние городские слои Латинской Америки / Отв. ред. Шульговский А.Ф. М.: Мысль, 1974. 479 с.
- Шестопал А.В. Кризис «интегрально-элитарной» концепции (идейно-теоретическая борьба в связи с развитием социологии в Латинской Америке) // Вопросы философии, 1970. №1. С. 173-179.
- Шестопал А.В. Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М.: Мысль, 1974. 230 с.
- Шестопал А.В. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М.: Мысль, 1981. 207 с.
- Arismendi R. Problemas de una Revolución Continental. Montevideo: Ed. Pueblos Unidos, 1962. Пер. Арисменди Р. Проблемы латиноамериканской революции. М.: Прогресс, 1964. 692 с.
- Crítica y Política en Ciencias Sociales. Coordinado por O.Fals Borda. T. 1. Teoría y Política en Investigación-Acción. Bogotá: Ed. Guadalupe Ltd. 1978. 450 p.
- Fals Borda O. Las Revoluciones Inconclusas en América Latina (1809-1968). México: Siglo XXI Editores, 1970. 83 p.
- Shestopal A. En memoria de Héctor P. Agosti. Cuadernos de Cultura. 1985. №3. Pp. 18-23.
- Urquidí V. Integración Latinoamericana y Planeación // Foro Internacional. 1966. Vol. VII, Num. 1-2, pp. 29-45.

Об авторе:

Шестопал Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, Заместитель председателя Международного экспертного совета по присуждению ученых степеней МГИМО МИД России.

PHILOSOPHY AND PHILOSOPHERS IN CULTURE AND PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONSHIPS (EXAMPLES OF LATIN AMERICA)

Alexei Viktorovich Shestopal

Abstracts. Culture and intercultural communication are deeply personal. The author seeks to approve this provision on examples of long-standing cooperation with distinguished philosophers, social and political thinkers of Latin America, such as V. Urquidí, L.Zea, Colombian O. Fals Borda, Uruguayan R.Arismendi, Argentinien E.Agosti.

Among themes, developed by above theorists, the problem of characteristics of middle - ranking countries, importance of region to the modern world society, link of model of modernization with na-

tional traditional culture, problem of national identity (especially some migration and cross-breeding problems), ratio of culture to politics, part of intellectuals in modern socio-political processes are very important. Very special are the problems of globalistics as science and ideology and the relationship of humanistic party with globalist utopia.

The people I talked about were different in character. Agosti is an idealist, Urkidi is a realistic, calm, supporter of the fact that it is necessary to work, raising the cultural level, level of education, health care, sense of justice step by step. The Anglo-Saxon moment was present in it, Latin Americans are more impetuous people. Cea was impetuous, Orlando was the most passionate: the whole office in the photo of Torres. Arimendi and Agosti are "captains," as Agosti called his friend Rodney, people who were ready for calms and storms. But they are all people, of course, honest, with dignity, generosity; this is why it is nice and helpful to remember them.

Key words: Latin-American countries, intercultural communication, cultural tradition, national identity, V. Urquidi, L.Zea, O. Fals Borda, R.Arimendi, E.Agosti.

References:

Arimendi R., Ektor P. Agosti – filosof, literaturnyi kritik i publitsist [Hector P. Agosti – philosopher, literary critic and publicist]. *Agosti E. Revoliutsiia, intelligentsiia, kul'tury* [Agosti E. Revolution, intelligentsia, culture]. Moscow, Politizdat, 1984. 399 p. (In Russian).

Gospodstviushchie klassy Latinskoi Ameriki. (Shul'govskii A.F., Galkina A.D., Samarkina I.K. i dr.) [The ruling classes of Latin America. (Suligowski A. F., Galkin, A. D., I. K. samarkina, etc.)] / Eds. A.F. Shulgovsky, B.M. Merin. Moscow, Science, 1978. 444 p. (In Russian).

Zagladin V.V., Frolov I.T. *Global'nye problemy sovremennosti: nauchnyi i sotsial'nyi aspekty* [Global problems of our time: the scientific and social aspects]. Moscow, International relations, 1981. 240 p. (In Russian).

Proletariat i revoliutsionnyi protsess v Latinskoi Amerike [The proletariat and the revolutionary process in Latin America] / Resp. ed. by B. M. Gelding. Moscow, Science, 1985. 376 p. (In Russian).

Sea L., Shestopal A.V. *Evrasiia – Iberoamerika: traditsii i modernizatsiia* [Eurasia – Iberoamerica: traditions and modernization]. *Latinskaia Amerika - Latin America*, 1994, no. 3, pp. 48-72 (In Russian).

Sea L. *Filosofiia amerikanskoi istorii. Sud'by Latinskoi Ameriki* [Philosophy of American history. The Fate Of Latin America]. Moscow, Progress, 1984. 352 p. (In Russian).

Sel'skie trudiashchiesia Latinskoi Ameriki [Rural workers in Latin America] / Ed. A. F. Kuligowski. Moscow, Thought, 1972. 479 p. (In Russian).

Srednie gorodskie sloi Latinskoi Ameriki [The middle urban strata in Latin America] / Ed. edited by A. F. Kuligowski. Moscow, Thought, 1974. 479 p. (In Russian).

Shestopal A.V. *Krizis «integral'no-elitarnoi» kontseptsii (ideino-teoreticheskaiia bor'ba v sviazi s razvitiem sotsiologii v Latinskoi Amerike)* [Crisis of "integral-elite" concept (ideological and theoretical struggle in connection with the development of sociology in Latin America)]. *Voprosy filosofii - Questions of philosophy*, 1970, no. 1, pp. 173-179 (In Russian).

Shestopal A.V. *Levoradikal'naia sotsiologiia v Latinskoi Amerike. Kritika osnovnykh kontseptsii* [The sociology of the radical left in Latin America. Criticism of basic concepts]. Moscow, Thought, 1981. 207 p. (In Russian).

Shestopal A.V. *Mirazhi El'dorado v XX veke. Kriticheskie ocherki burzhuaznoi sotsiologii v Latinskoi Amerike* [The Mirages of Eldorado in the twentieth century. Critical essays on bourgeois sociology in Latin America]. Moscow, Thought, 1974. 230 p. (In Russian).

Arimendi R. *Problemas de una Revolución Continental*. Montevideo, Ed. Pueblos Unidos, 1962. (In Spanish).

Crítica y Política en Ciencias Sociales. Coordinado por O. Fals Borda. T. 1. Teoría y Política en Investigación-Acción. Bogota, Ed. Guadalupe Ltd., 1978. 450 p. (In Spanish).

Fals Borda O. *Las Revoluciones Inconclusas en América Latina (1809-1968)*. México, Siglo XXI Editores, 1970. 83 p. (In Spanish).

Shestopal A. En memoria de Héctor P. Agosti. *Cuadernos de Cultura*, 1985, no. 3, pp. 18-23 (In Spanish).

Urquidí V. Integración Latinoamericana y Planeación. *Foro Internacional*, 1966, Vol. VII, no. 1-2, pp. 29-45 (In Spanish).

About the Author:

Alexei Viktorovich Shestopal – Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the International Expert Council for the award of academic degrees MGIMO Russian Foreign Ministry.